

УДК 141

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ МЕТОД: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Корсунский А. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Ялта, Российская Федерация.

Email: 8equinox4@gmail.com

Герменевтика представляет собой одно из важнейших направлений философской мысли, а её метод имеет значительную практическую ценность, однако вопросы интерпретации и понимания до сих пор порождают острые дискуссии, различные школы в философии далеки от консенсуса по этой проблеме. В связи с этим, обращение к истории герменевтической мысли, детальный анализ становления основополагающих принципов и базовых концептов в герменевтическом методе представляется довольно продуктивным. Статья исследует различные исторические этапы формирования герменевтического метода. Эволюция представлений о толковании текстов, интерпретационном методе и о самой сущности процесса понимания рассматривается начиная со времён античности и до работ Дильтея. Целью статьи является раскрытие исторической логики в становлении герменевтических концепций, проведение детального анализа их ключевых положений, подготовивших возможность онтологического поворота. Отдельное место в статье уделено исследованию применения герменевтических методов к истории. В заключительной части статьи внимание уделено самой сущности понимания, изложены предпосылки онтологического поворота, который мы можем наблюдать в философии Хайдеггера. Результатом статьи является целостное историческое рассмотрение классических концепций герменевтики, в контексте анализа формирования предпосылок онтологического поворота.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретационное знание, интеллектуальный горизонт, онтологический поворот

Термин «герменевтика» неразрывно связывается с пониманием и интерпретацией лингвистических и нелингвистических структур. Эта традиция восходит к древнегреческой философии и своего расцвета достигает во времена Средневековья и Ренессанса, когда герменевтика используется в качестве основного инструмента библейских исследований.

С появлением немецкого романтизма и идеализма статус герменевтики меняется: герменевтика становится философской. Она больше не мыслится как методологическая или дидактическая помощь для других дисциплин: герменевтика делает предмет своего исследования саму возможность символической коммуникации как таковой. Вопрос «как читать?» заменяется вопросом «как вообще между нами возможна коммуникация?». Без такого изменения, начатого Фридрихом Шлейермахером и Вильгельмом Дильтеем, невозможно представить онтологический поворот в герменевтике, который в середине 1920-х был таргетирован «Sein und Zeit» Мартина Хайдеггера и продолжен его студентом

Гансом-Георгом Гадамером. С этого момента герменевтика изучает не только символическую коммуникацию, но теперь её область включает фундаментальные вопросы: понимание человеческой жизни и существования как такового. Герменевтика никогда не теряла свою актуальность и заняла важное место в современной философии благодаря тому, что ставит глубокие вопросы об условиях символизма, коммуникации, их взаимодействия с культурой в целом. Герменевтика обеспечила критический горизонт для самых интригующих дискурсов современной философии как в пределах англо-американского контекста (Рорти, Макдауэлл, Дэвидсон), так и в континентальной дискуссии (Хабермас, Апель, Рикер и Деррида).

В данной статье мы подойдем диахронически к исследованию специфики герменевтического исследования, а также попытаемся показать, что онтологический поворот хоть и имеет мало общего с классической герменевтикой по формальным признакам (что дало повод Гюнтеру Фигалю говорить даже о «антигерменевтическом повороте»), однако всё же вписывается во внутреннюю логику «событий мысли» герменевтического метода (что становится ясно при более детальном рассмотрении). Хайдеггер активно обращается к дильтеевской методологии герменевтики жизни, Гадамер заимствует у Августина требование об универсальности герменевтики и т. д. Поэтому крайне важно проследить и проанализировать ключевые моменты развития герменевтического метода со времён античности. Особое внимание мы уделим в процессе исследования взаимодействию контекста устоявшихся классических теоретических позиций и концептуально новых подходов в герменевтике, дающих принципиально иное понимание сущности трансформации герменевтической мысли.

Историческое становление идей герменевтики: от античности до нового времени

Термин «hermeneutics», латинизированная версия греческого ἑρμηνευτική, стал широко употребляться с начала XVII века. Тем не менее, его история восходит к древней философии. Обращаясь к толкованию религиозных интуиций, Платон использовал этот термин в своих диалогах, противопоставляя интерпретационное знание софизму. Религиозное знание является знанием того, что было признано и высказано как откровение, оно имплицитно включает знание ценности-истинности высказывания.

Аристотель в своей работе по логике и семантике «Peri hermeneias», которая позже стала известна как «De interpretatione», сделал шаг вперед в разработке теории интерпретаций и ввёл новые модусы употребления термина герменевтика. Однако, только начиная со стоиков и их размышлений об интерпретации мифа, мы сталкиваемся с чётким и ясным осознанием проблем интерпретации текстов. Не смотря на это, стоики никогда не разрабатывали систематическую теорию интерпретации. Такую теорию мы можем найти только у Филона александрийского. Его размышления об аллегорическом значении Ветхого Завета подталкивают к идее, что буквальное значение текста может скрывать более глубокое, небуквальное значение, которое может быть раскрыто только посредством систематической

интерпретационной работы. Приблизительно 150 лет спустя Ориген пишет, что у Священного писания есть три уровня значения, соответствующие треугольнику тела, души и духа, и каждый из уровней прогрессивно соответствует более высокой стадии религиозного понимания.

Ключевыми фигурами средневековой герменевтики мы можем считать Августина и Фому Аквинского. Огромное влияние Августина на современную герменевтику было признано Дильтеем, Хайдеггером и Гадамером. По словам Гадамера, именно Августин впервые вводит требование универсальности герменевтики. Это требование является результатом связи, которую Августин устанавливает между языком и интерпретацией, но также и результатом другого его требования: интерпретация Священного писания включает более глубокий, экзистенциальный уровень самопонимания.

Работы Фомы Аквинского, на которые молодой Хайдеггер обращал большое внимание, также оказали влияние на развитие современной герменевтики. Хайдеггер, однако, главным образом интересовался у Аквината понятием начала, а не его вовлеченностью в специфические интерпретационные проблемы, такие как аутентичность определенных псевдоаристотелевских текстов. Предполагая относительное единство работы автора, Аквинский подвергает сомнению подлинность этих текстов, сравнивая их с существующим аристотелевским корпусом, таким образом предвосхищая критическо-филологическую процедуру, которая позже появилась в качестве решающего аспекта метода грамматической интерпретации Фридриха Шлейермахера. Это, однако, не является единственной точкой контакта между средневековой философией и современной герменевтикой. Другое такое соотнесение с актуальной герменевтикой отражено в попытке Гадамера реабилитировать интерпретационную уместность аллегории при рассмотрении средневекового понимания Священных текстов, подчеркивая их аллегорический характер, а не их исторические корни.

Несмотря на лозунг «*sola scriptura*» Мартина Лютера и подобные ему фреймирующие тезисы, именно в связи с интенцией нового переосмысления священного писания мы видим рассвет по-настоящему современной герменевтики. После сделанного Лютером акцента на веру и внутреннюю сущность, стало возможным поставить под сомнение авторитет традиционных интерпретаций Библии, чтобы подчеркнуть, каким образом каждый читатель сталкивается с собственной проблемой принятия истины текста. Наше понимание текста не состоит в точном принятии доминирующих или одобренных эпохой прочтений, но зависит от индивидуальности читателя, его личного выбора потенциальных значений и веры в истинность текста. Герменевтическое прочтение теперь обретает новую проблематику.

Рассмотрим и другую традицию. Её основатель – Джамбаттиста Вико, автор «*Scienza nuova*», является ещё одной важной фигурой в конституировании базиса современной герменевтики. Высказываясь против картезианства своего времени, Вико утверждает, что мышление всегда коренится в определенном культурном контексте [1]. Этот контекст историчен и, кроме того, тесно связан с обычным языком, развивающимся из стадии мифа и поэзии к более поздним формам

теоретической абстракции и технических словарей. Понять себя – означает, таким образом, понять генеалогию собственного интеллектуального горизонта. Такой подход делает исторические науки особенно актуальными. Кроме того, его метод предлагает модель истинности и объективности, которая отличается от тех, которые развивали естественные науки. Историк сталкивается не с областью идеализированных и предположительно независимых от субъекта объектов, но исследует существенные свойства мира, в который и сам вовлечён. Нет никакой жёсткой границы между ученым и объектом его исследований. Понимание и самопонимание не могут действовать независимо. Самопонимание не достигает своей высшей точки в суждениях подобных закону. Апеллируя к здравому смыслу, самопонимание обращается к тому, кто мы есть, как мы действуем в пределах данного исторического контекста практики и понимания.

Ещё одним философом, оказавшим значительное влияние на ранние стадии современной герменевтики, был Бенедикт Спиноза. В седьмой главе «Tractatus theologico-politicus» Спиноза, чтобы надлежащим образом понять самые непрозрачные и трудные разделы Священных Писаний, предлагает иметь в виду исторический горизонт, в котором эти тексты были написаны, а также ум, которым они были произведены [2]. Спиноза утверждает, что существует аналогия между нашим пониманием природы и нашим пониманием Писания. В обоих случаях наше понимание частей зависит от нашего понимания целого, которое, в свою очередь, может быть понято только на основе частей. Рассмотренный в более широкой перспективе, этот интерпретационный круг, движение назад и вперед между частями и всем текстом, является важным герменевтическим инструментом. То, что не поддаётся непосредственному пониманию, может интерпретироваться посредством филологической работы. Исследование истории становится обязательным инструментом в процессе размыкания герметичной сути определенного значения и его языкового использования.

Лютер, Вико и Спиноза, уделявшие большое внимание соответственно субъективному благочестию, новой науке о человеке, историческим аспектам понимания, сформировали и дали направление современной герменевтике. Но все же ни один из этих мыслителей не развил концептуальной философской теории понимания, уже не говоря о методе или наборе нормативных обязательных правил, посредством которых должен происходить процесс интерпретации. Такая теория была сформулирована Йоханом Мартином Хладениусом [3].

В своём «Einleitung zur richtigen Auslegung vernünftiger Reden und Schriften», Хладениус демаркирует герменевтику от логики, а также разрабатывает типологию точек зрения. Фокусировка на различных точках зрения, свидетельствуя о причастии к наследию Лейбница и Вольфа (так называемой «школьной философии»), позволяет Хладениусу объяснить, как вариации в нашей перцепции феноменов и проблем могут вызвать трудности в нашем понимании текстов и формулировок других людей. Под угрозой не историческая методология в современном значении слова, но дидактическая и познавательно ориентированная процедура интерпретации. Чтобы понять то, что сначала могло бы выглядеть странным или неясным (Хладениус обрисовывает в общих чертах целый каталог

различных неясностей), нужно принять во внимание молчаливые и предрексивные предположения, характеризующие точку зрения, с позиции которой проблематичный текст или формулировка были выведены [3]. Только таким образом мы можем достичь истинного или объективного понимания текста. Герменевтика, в этом пункте, идет рука об руку с эпистемологией. Со своим взаимодействием поиска истины и поиска понимания, Хладениус предвосхитил важные направления в герменевтике XX-го века.

Георг Фридрих Мейер – это другой творчески мыслящий (впрочем, в пределах парадигмы Вольфа Лейбница) философ. Принимая во внимание, что методы Хладениуса соотносились с речью и письмом, герменевтика Мейера приспособлена к знакам как таковым: к каждому типу знаков, включая невербальные или естественные знаки. В «*Versuch einer Allgemeinen Auslegungskunst*» Мейер утверждал, что знаки не выражают определенное несемiotическое значение и не отсылают к его смыслу, но приобретают своё значение через их местоположение в пределах большего лингвистического целого [4]. Это приводит к тому, что значение знака определяется своим отношением к другим знакам. Вклад Мейера в герменевтику — это выявление взаимозависимости герменевтики и языка, а также ввод семантического холизма, в котором лингвистические неясности снимаются референцией самого языка, а не референцией экстралингвистических элементов, таких как намерение автора.

Еще два имени должны быть упомянуты нами при рассмотрении зарождения современной интерпретационной традиции: Фридрих Аст и Фридрих Аугуст Вольф.

Аст издал свой «*Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kritik*» в 1808 году. Аст был убеждённый классицист и студент Фридриха Шеллинга. Его цель состояла в том, чтобы выработать методологию, с помощью которой мог быть восстановлен мировой исторический дух. Индивидуальное высказывание должно было быть понято ни в отношении его автора, ни в отношении его места в пределах семиотической системы, но согласно его местоположению в пределах всемирной истории. Это, думал Аст, возможно было достичь через комбинацию синтетического и аналитического подходов, формируя фокус на целом, а затем на конкретных частях, из которых состоит это целое [5]. Аст, таким образом, расширяет объем интерпретационного круга. Первоначально задуманный с позиции отношений между частями и всем текстом, интерпретационный круг теперь включает отношения текста к исторической традиции и культуре в целом.

Как и Аст, Вольф был обучен в духе классических традиций. И его «*Museum der Altertumswissenschaft*», а также «*Vorlesungen über die Enzyklopädie der Altertumswissenschaft*» обращаются к эпистемологическому и философскому аспектам классической филологии. Классические исследования Вольфа апеллируют к стремлению полного познания объекта, ставятся вопросы о необходимости и уместности такого знания, а также о методе, посредством которого возможно достижение такого знания. Интерпретационное знание предполагает не только общее исследование культуры, но также и определенную чувствительность к индивидуальности автора текста. Вольф, определив филологию как методологическую дисциплину, отражающую и обобщающую культурные

структуры и аспекты индивидуальности, был отмечен как один из самых важных предшественников романтической герменевтики.

Фридриху Шлейермахеру удалось ясно сформулировать последовательную концепцию универсальной герменевтики, которая направлена не на один конкретный вид текстового материала (например, Библия или древние тексты), а нацелена на лингвистические значения в целом.

Шлейермахер с 1805 преподавал герменевтику в университетах Галле и Берлина. И хотя Шлейермахер был обучен в традициях кантианской философии, однако никогда не был безоговорочным последователем Канта. В своей работе он опирался на ресурсы монадологии Лейбница, философии идентичности Шеллинга, британского эмпиризма. И все же кантианский вопрос законности остается в центре его герменевтики.

По словам Шлейермахера, понимание других культур не является чем-то, что мы можем считать само собой разумеющимся [6]. Открытость к факту – условие понимания других; она кажется рациональной, аподиктической, очевидной – и может быть передним планом глубоко чуждого. Эта открытость возможна постольку, поскольку мы тщательно, систематически исследуем наши собственные интерпретационные предубеждения. Шлейермахер говорит об этом как о методологической строгости, которую он противопоставляет неточной интерпретационной практике [7]. Шлейермахер неоднократно подчеркивает, что даже строгая интерпретационная практика как таковая не может гарантировать справедливое и полностью адекватное понимание [8]. Тем не менее, он полагал это необходимым условием на пути к такому пониманию. Это то, что может помочь герменевтике не стать жертвой тенденции отфильтровать чью-либо речь или написанный текст через собственные культурные, теологические, или философские рамки представлений.

Критика исторической причины

После смерти Шлейермахера в 1834 году, идеи герменевтики продолжили развивать Александр фон Гумбольдт, Хейман Штейнталь и Фридрих Карл фон Савиньи. В этот период историки, богословы и правоведы в рамках своих специальных дисциплин обращались к герменевтическим методам, но не видели в герменевтике необходимого условия для возможности понимания и коммуникации. Три мыслителя, тем не менее, выделяются из этой тенденции. Речь идет о Иоганне Дройзене, Ранке и, конечно, Вильгельме Дильтее. Хоть и разными путями, но все трое представляют собой возврат к старой проблеме Вико, а именно: как можно философски обосновать определенный вид объективности, относящейся к изучению человека. Тем не менее, в то время как Вико делал акцент на культуре и истории в целом, теперь задача ставилась более конкретно: как обосновать гуманитарные науки в рамках университетской системы, которая основана на идеалах Просвещения, критического разума, рациональности, и уже отделилась от авторитета традиции и богословских канонов.

Структура истории, утверждал Ранке, повторяет структуру текста постольку, поскольку она состоит из определенного вида взаимозависимостей между частями и целым. Как и чтение, понимание истории означает движение по путям герменевтического круга: от части к целому и обратно. Поскольку исторический дух сам по себе находится в истории, не существует никакого конца этого кругового движения. История не может, как это аргументировали гегельянцы в рамках спекулятивной философии, концептуализироваться раз и навсегда. Понимание истории является непрерывной деятельностью. Наше стремление понять историю, понять жизнь исторически, приводит к проблеме самосознания. Такое понимание исторической проблемы предполагает активный анализ культурной традиции, а значит – принятие самым решительным образом исторического подхода в герменевтическом исследовании.

Как и Ранке, Дройсен заинтересовался методологией исторических наук. Пытаясь вырваться из идеалистической традиции, которой Ранке до сих пор придерживался, Дройсен делает акцент на теории истории. Он переносит внимание с объекта исследования на сам метод, по которому планируется проводить исследование. Естественные науки раскрывают универсальные законы природы, а исторические науки являются науками о взаимопонимании. В отличие от ученого, изучающего природу, историк отделен от исследуемого объекта посредством постоянно обновляющихся и самообновляющихся традиций. Его объект всегда опосредован, а на понимание исследователем истории влияет контекст его собственных целей и желаний, и степень его свободы. В конце концов, это относится даже к Дройсену, но история интеллигибельна и полнозначима, её изучение представляет исследование определённого вида объективности, которая отличается от объективности в естественных науках, но все еще сравнима с ней.

Начиная с Дильтея, поиск философской легитимации гуманитарных наук делает значительный шаг вперед. Автор обширной монографии о Шлейермахере и его времени, Дильтей отвечает на вопросы, заданные Дройсеном и Ранке, путем привлечения ресурсов романтического периода герменевтики. Научное объяснение природы, утверждает Дильтей, должно быть согласовано с теорией о том, как мир дан нам через символически опосредованные практики [9].

Понятия *Erlebnis* (жизненный опыт) и *Verstehen* (понимание) являются ключевыми в герменевтическом методе Дильтея [10]. В своих ранних работах, Дильтей не прилагал больших усилий, чтобы эксплицировать различия между этими терминами. В дальнейшем, однако, он связывает *Erlebnis* с процессом самопознания, в то время как *Verstehen* относится к нашему пониманию других. Стоит подчеркнуть, что для Дильтея *Erlebnis* сам по себе не обеспечивает самопонимание. Самопонимание достигается только в той степени, в какой субъект относится к себе так, как он относится к другим – опосредствованно. Тем не менее, *Erlebnis*, осуществляя присущую ему активность и синтез, остается психологическим источником всякого опыта, его эмпирический потенциал артикулируется и концептуализируется в понимании.

Применяя герменевтический метод и обращаясь к исторической проблематике, исследователь зачастую идёт путем комбинации интуитивных гипотез-формаций,

истоки которых находятся в индивидуальном жизненном опыте, и сравнительного метода, который мог бы проверить результаты и обеспечить объективность процесса исследования. Именно такой и стала критическая адаптация Дильтеем романтической герменевтики Шлейермахера: теория, которая вытеснила романтическую терминологию, её *propositio* и основные посылки к одной начальной индуктивной гипотезе-формации, а также привела к процессу критического, эмпирического исследования и исторического сравнения, направленного на пересмотр или улучшение исходной гипотезы. Наиболее важный вклад Дильтея в герменевтику останется в том, что он подвёл под основание герменевтики общую теорию человеческой жизни и существования. В этом смысле, философия Дильтея прокладывает путь к тому, что позже стали понимать, как поворот к онтологии.

Важно ясно различать два уровня анализа: онтологический и эпистемологический. Эпистемологические подходы, дескриптивные или нормативные, отталкиваются от проблем интерпретации и предлагают решения проблем независимо от онтологических структур, лежащих в основе каждой проблемной области. Хайдеггер же предложил герменевтическую феноменологию как «*Hermeneutik der Faktizität*», которая должна заменить традиционную онтологию: её центральным элементом является экзистенциальная аналитика *Dasein*, то есть человеческого существования. Значение Бытия должно быть раскрыто в результате анализа уникальных особенностей «*Dasein Auslegung*», представленных как конкретный способ существования в мире. Гадамер частично перенял этот взгляд на онтологию, таким образом, программа философской герменевтики окончательно сформировалась благодаря работе этих двух философов. Однако, онтологический поворот невозможно было бы осуществить без проделанной работы в рамках классической герменевтики.

Подводя итоги нашему обзору, необходимо ещё раз подчеркнуть несколько моментов, которые создали предпосылки и открыли возможность онтологического поворота герменевтики. Прежде всего, стоит обратить внимание на проблематизацию в рамках классической герменевтики культурного контекста, исторического метода, что способствовало совершенствованию методики герменевтического круга, разработке проблемы вовлеченности понимания, его контекстной обусловленности, а также его холичности. Холичность понимания и его вовлеченность, в свою очередь, стали важными элементами онтологического переосмысления герменевтического метода. Необходимо также подчеркнуть проделанную Дильтеем и его предшественниками работу по исследованию роли жизненного мира при личностном выборе потенциальных интерпретационных значений, изучению взаимосвязи между пониманием и самопониманием, его обращение к интеллектуальному горизонту, дотеоретическому конструированию мира – всё это было использовано Хайдеггером для углубления понятия «понимание», снятия ограничения только наличным, придания ему экзистенциального значения в рамках онтологического поворота герменевтики. Таким образом, сохраняется некая имманентная логика развития герменевтического метода, некая преемственность ключевых исследовательских интенций. Несмотря на кажущийся радикальным поворот в герменевтической традиции, принципиально

новое возникло как критика и антагонизм ставших догматичными классических методологических подходов, возникло как их преодоление или модификация.

Список литературы

1. Vico T. Giambattista. *Scienza nuova*. – Milan: Biblioteca universale Rizzoli, 1977. – 241 p.
2. Bergin G. *Spinoza*. – Ithaca: Cornell University Press, 1984. – 302 p.
3. Chladenius J. M. *Einleitung zur richtigen Auslegung vernunftiger Reden und Schriften*. – Düsseldorf: Stern-Verlag Janssen, 1969. – 346 p.
4. Meier G. F. *Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst*. – Hamburg: Felix Meiner, 1996. – 287 p.
5. Ast F. *Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kritik*. – Landshut: Jos. Thomann, 1949 – 361 p.
6. Schleiermacher F. *Kritische Gesamtausgabe*. – Berlin: Walter de Gruyter, 1984. – 408 p.
7. Schleiermacher F. *Hermeneutics and Criticism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 452 p.
8. Schleiermacher F. *Hermeneutik und Kritik*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. – 389 p.
9. Dilthey W. *Gesammelte Schriften*. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. – 273 p.
10. Dilthey W. *The Formation of the Historical World in the Human*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 452 p.

Korsunskiy A G. Hermenevtic Method: Historical Retrospective // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 1. – P. 40–48.

Annotation. Hermeneutics is one of the most important directions of philosophical thought, and its method has considerable practical value, but questions of interpretation and understanding still generate sharp discussions, various schools in philosophy are far from consensus on this issue. In this connection, the reference to the history of thought within the hermeneutic perspective, a detailed analysis of the formation of the fundamental principles and basic concepts in the hermeneutic method seems rather productive. The article examines the various historical stages of the formation of the hermeneutic method. The evolution of ideas about the interpretation of texts, the interpretation method and the very essence of the process of understanding is considered from the time of antiquity and to the works of Dilthey. The purpose of the article was to reveal historical logic in the development of hermeneutical concepts, as well as a detailed analysis of their key positions. A separate place in the article is devoted to the study of the application of hermeneutic methods to history, the inclusion of the context of culture, the spirit of time. In the final part of the article attention is paid to the very essence of understanding, the preconditions of the ontological turn, which will find a place in the philosophy of Heidegger, are outlined. The result of the article is a holistic historical overview of the teachings of hermeneutics, which includes a critical analysis of their theories from modern positions.

Keywords: hermeneutics, interpretive knowledge, epistemological aspect, methodology of historical sciences

References

1. Vico T. Giambattista. *Scienza nuova*. Milan, Biblioteca universale Rizzoli, 1977, 241 p.
2. Bergin G. *Spinoza*. Ithaca, Cornell University Press, 1984, 302 p.
3. Chladenius J. M. *Einleitung Zur Richtigen Auslegung Vernunftiger Reden und Schriften*. Düsseldorf, Stern-Verlag Janssen, 1969, 346 p.
4. Meier G. F. *Versuch Einer Allgemeinen Auslegungskunst*. Hamburg, Felix Meiner, 1996, 287 p.
5. Ast F. *Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kritik*. Landshut, Jos. Thomann, 1949, 361 p.
6. Schleiermacher F. *Kritische Gesamtausgabe*. Berlin, Walter de Gruyter, 1984, 408 p.
7. Schleiermacher F. *Hermeneutics and Criticism*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998, 452 p.
8. Schleiermacher F. *Hermeneutik und Kritik*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1993, 389 p.
9. Dilthey W. *Gesammelte Schriften*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2001, 273 p.
10. Dilthey W. *The Formation of the Historical World in the Human*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, 452 p.